

УДК 930.2

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ (1920–1950-е гг.)

*Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук,
И.Л. Измайлов, кандидат исторических наук,
Б.И. Измайлов, кандидат исторических наук*

Становление советской историографии: труды Н.Н. Фирсова и М.Г. Худякова

Провозглашенное большевиками после Октябрьской революции 1917 г. право наций на самоопределение, создание национально-территориальных автономий и национальных республик активизировали интерес ученых и широкой общественности к истории отдельных народов бывшей Российской империи. Изменение концептуальных основ отечественной исторической науки и утверждение марксистской методологии в исследованиях историков привели к появлению работ, в которых делались попытки качественно нового подхода к изучению истории. Впервые это нашло отражение в трудах действительного члена АН СССР (с 1929 г.) Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Он выступил с критикой концепций исторического развития, созданных дореволюционными российскими историками, в первую очередь – представителями «государственной школы». Историческая основа для его работ, как и трудов его последователей, был социологический подход с преувеличенным вниманием («приматом») к социально-экономическим факторам, выступавшим определяющими по отношению к явлениям политического и культурного плана. Данный подход, который стал активно внедряться в Советском Союзе в 1920-е гг., дал метод, который

позволил историкам от изучения фактов политической истории перейти к пониманию механизмов функционирования общества.

Попытка дать общий очерк развития истории России с марксистских позиций привела М.Н.Покровского к необходимости критического пересмотра многих положений дворянских и буржуазных историков. Он, в частности, резко выступил против базовой теории «государственной школы» – «борьбы леса со степью». М.Н.Покровский подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена эта теория – С.М.Соловьева, Б.Н.Чичерина, В.О.Ключевского и др. Основным выводом, сформулированный им, заключался в том, что борьбы «леса» со «степью» в истории России не было. Возникновение этой теории у целого поколения русских историков он связывал со стремлением «доказать, что государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы», исключить из исторического процесса элементы классовой борьбы, подменив их показом т.н. классовой солидарности, проявившейся в борьбе с внешним врагом. При этом М.Н.Покровский не отрицал факта борьбы восточных славян с кочевыми племенами. Большую роль в его теории играли и вульгарно социологические схемы – теория «торгового капитала» и существования различных «партий» в средневековом обществе –

«боярской», «дворянской», «торговой» и т.д. Одновременно, следуя за работами В.И.Ленина, ученый развивал взгляд на Россию как на «тюрьму народов», государство, ведшее захватническую колониальную политику. Антиимпериалистический и интернационалистический пафос его работ требовал пересмотра истории формирования империи и историй народов, в нее входивших. Взгляды М.Н.Покровского оказали огромное влияние на многих российских историков 20–30-х гг. XX в., открыли новое направление в отечественной историографии.

Исследователи, занимавшиеся историей Поволжья, не могли не откликнуться на эти новые тенденции, тем более что многие из них (например, вопросы колонизации Поволжья) были в фокусе их интересов уже довольно давно. В 1921 г. выходит работа Н.Н.Фирсова «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья». Не со всеми выводами автора можно сейчас согласиться. Вызывают возражения отдельные датировки и объяснения событий. Помимо вынужденной идеологической предвзятости, присущей работам гуманитарного профиля начала 1920-х гг., причина неточностей кроется в крайней скудности источниковых материалов исследования. Работа Н.Н.Фирсова, к сожалению, в основном базируется на методологических штампах квазимарксистского подхода. В частности, он, давая характеристику социально-экономического строя Казанского ханства, следовал в русле социологизаторских идей и «классового подхода». По сути дела, это было некое введение в новую концепцию истории Поволжья.

Вместе с тем нельзя не отметить и стремление автора объективно подойти к раскрытию истории татарского народа и отойти от подходов прежней «государственной» школы. В предисловии к своей книге Н.Н.Фирсов пишет о политической подоплеке своей работы в связи с «вопросом о самоопределении народностей и об автоно-

мии отдельных частей России»¹. Он отмечает, что «истинное право на автономию политическую может дать лишь прошлое области, ее история»². Однако знание истории татарского народа для него не было самоцелью, а являлось лишь необходимым дополнением истории целого, т.е. Советской России. В этой связи Н.Н.Фирсов указывал, что «специальное изучение истории Поволжья тем более необходимо, что эта область имела исключительное значение в процессе создания и развития великорусского государства»³.

Образование Казанского ханства Н.Н.Фирсов считал следствием и результатом распада Золотой Орды, в которой шла внутренняя политическая борьба. Падение авторитета Орды дало, по мнению Н.Н.Фирсова, толчок к развитию самостоятельной жизни в Среднем Поволжье, на территории «Болгарского царства». Продолжая историографическую традицию, он связывал выдвижение Казани на историческую сцену с разрушением г. Булгара в 1361 г. Он считал, что Старая Казань не сыграла выдающейся роли в жизни Поволжья, т.к. ее заслонял своим могуществом Булгар, и потому постепенно теряла свое значение. Н.Н.Фирсов, повторяя датировку С.М.Шпилевского, относил основание г. Старая Казань к 1290–1298 гг., а Новой Казани – к 1394–1402 гг. На основе информации «Казанской истории» Н.Н.Фирсов пытался показать «факт преемственности между Волжской Болгарией и Казанским ханством, которое явилось наследником Болгарии в обладании населением и городами обширного края, входившего в его состав»⁴. При этом им выдвигалась версия о том, что переход наследия от булгар к татарам начался в период более ранний, чем основание Новой Казани. Он писал, что «процесс ассимиляции высшего болгарского слоя с высшим татарским слоем закончился еще до разрушения Булгара Булат-Тимуром, значит, – до так называемого «второго зачатия» Казанского царства»⁵. Осно-

вателем Казанского ханства во второй раз был «ордынский изгнанник» Улуг-Мухаммед, «истинный восстановитель Булгарского государства»⁶. Соглашаясь с мнением предшественников о запустении Казани, Н.Н.Фирсов пишет, что в Казань стало собираться разнородное население. Сюда, по его мнению, перекочевал и «булгарский коммерческий класс», который возродил булгарские торговые традиции. Это событие автор относил к 30-м гг. XV в., когда уже существовала Новая Казань. Н.Н.Фирсов тем самым подчеркивал, что Улуг-Мухаммеду пришлось Казань «не основывать, а восстанавливать, организуя разнородное население Волжско-Камского края вокруг этого города»⁷. Ученый приходил к выводу, что «Казанское царство со стороны состава населения было ничем иным, как восстановлением болгарского царства, но только с новой столицей и с новым правительственным слоем, который, будучи татарского происхождения, задолго еще до этого воспринял болгарскую культуру»⁸.

В книгах «Чтения по истории...» и «Прошлое Татарии» Н.Н.Фирсов подробно останавливается на политическом и социальном строе Казанского ханства. Рассуждая о политическом строе Казанского ханства, ученый подчеркивает, что сюда Улуг-Мухаммед перенес «военное устройство по образцу Золотой Орды и Крымской»⁹.

Падение Казанского ханства Фирсов связывал, в соответствии с теорией торгового капитала, с экономическим упадком развития этого государства. По его мнению, московская колонизация перекрыла торговую артерию на севере и тем самым закрыла доступ к международной торговле для Казанского ханства. Этот момент Н.Н.Фирсов считал ключевым для судьбы Восточной Европы. Московский торговый капитал старался полностью монополизировать в своих руках всю волжскую коммерцию и поэтому начал борьбу с Казанским ханством под лозунгом освобождения

русских пленных из мусульманского плена. Казанский же торговый капитал не был однородным по своей сути, т.к. каждая политическая партия преследовала свои экономические интересы. Эта внутренняя борьба в ханстве, по мнению Н.Н.Фирсова, сильно ослабила государство, чем и воспользовались московские правители. На решающей стадии борьбы между двумя торговыми капиталами большую роль в пользу Москвы сыграли два фактора: значительный человеческий ресурс и превосходство в военном деле. «Независимая коммерческая Казань, – подводил итог Н.Н.Фирсов, – перестала существовать, несмотря на то воодушевление, которое сумело вызвать в последнюю минуту в ее защитниках мусульманское духовенство: порох и научное умение пользоваться им в международной борьбе оказались сильнее религии»¹⁰.

Особой вехой в изучении Казанского ханства стал выход в 1923 г. фундаментального труда молодого историка Михаила Георгиевича Худякова (1894–1936)¹¹ «Очерки по истории Казанского ханства». Опубликованный в первые годы советской власти, когда идеологическое давление на науку было не так сильно, как в последующем, но идеи марксизма уже активно внедрялись в историографию, он представлял собой попытку создания новой концептуальной модели изучения этого средневекового татарского государства. Можно сказать, что монография М.Г.Худякова являла собой первое действительно подробное и цельное изложение истории Казанского ханства.

При исследовании истории Казанского ханства М.Г.Худяковым использовалось огромное количество письменных, археологических, фольклорных и этнографических источников. Приоритет отдавался, в первую очередь, письменным документам. Ученый активно использовал сведения восточных источников – из татарских источников М.Г.Худяковым отмеча-

ются ханские ярлыки и «Изложение болгарской истории» Хисамуддина бин Шарафеддина Муслими, составленное в конце XVIII в. (исследователь считал, что это произведение было написано в середине XVI в.). Среди русских письменных источников им выделяются Воскресенская, Никоновская и II Софийская летописи, «Царственная книга», «История князя великого Московского» А.М.Курбского, среди европейских – «Записки о Московии» С.Герберштейна. «Казанскую историю» он считал «очень ярко написанным литературным произведением, преломляющим исторические события сквозь призму тенденциозной фантазии»¹², автор которого «нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрзные подробности, сочиненные им же самим»¹³. Археологическими источниками, которые активно использовались М.Г.Худяковым, были надгробные плиты, развалины архитектурных сооружений, находки бытовых предметов. Большое внимание М.Г.Худяков уделял и этнографическим источникам, к которым, в частности, относил памятники развития языка, «бытовые понятия», предания, «остатки обычного права», народные обычаи и обряды.

Написанная М.Г.Худяковым книга разрешила не все проблемы истории Казанского ханства, поскольку, как он сам указывал, многое осталось неясным и ему самому. Это было связано как с уровнем исторических знаний того времени, так и со слабо разработанной источниковой базой. Квазимарксистский подход, который разрабатывался школой академика М.Н.Покровского, у М.Г.Худякова принял вид упрощенного социологизма при подходе к сложным общественным проблемам и также привел к ряду искажений в объяснении событий истории. В частности, им была поддержана и развита мысль Г.И.Перетятковича о существовании в Казанском ханстве

двух «политических партий». Одна из этих партий – «московская», по его мнению, старалась приспособиться к давлению со стороны внешних врагов и выработать формы совместного симбиоза, сначала – в виде союза, затем – в виде унии Казанского ханства и Русского государства, другая – «крымская» старалась вести решительную и агрессивную политику по отношению к внешним врагам. М.Г.Худяковым борьба этих двух политических течений внутри Казанского ханства рассматривалась как эволюция политической мысли и рост государственного самосознания¹⁴.

М.Г.Худяков считал, что Казанское ханство, «представлявшее собою крайний северо-западный угол обширного татарского мира»¹⁵, возникло на основе болгарского населения, но имело своеобразное развитие. Исследователь писал: «Сочетание старинного населения с военной организацией государства, принесенной извне, сложный узел экономических отношений, международный товарообмен, рабовладельческое хозяйство и хищническая эксплуатация природных богатств» составили «своеобразный уголок восточной культуры в пределах Европы, заслуживающий большого внимания»¹⁶. Основным населением Казанского ханства М.Г.Худяков считал потомков «древних болгар», создавших в Среднем Поволжье могущественную государственную организацию. Причиной переселения болгар из коренных областей проживания на северную сторону р. Камы он считал разрушение и опустошение в 1361 г. г. Булгара и других городов Булгарии ханом Булат-Тимуром. С этим перемещением земледельческого населения М.Г.Худяков связывал появление нового торгового и культурного центра – Казани. Ученый соглашался с выводами татарского историка Г.Ахмерова о том, что потомки болгарского народа продолжали существовать в составе казанских татар. Благодаря этой болгарской основе, писал М.Г.Худяков, «Казанское го-

сударство выступило на поприще исторической жизни сразу уже в виде зрелого организма с прочно сложившимся бытовым и культурным укладом; оно совершенно не знало стадии постепенного формирования, и это явление может быть объяснено лишь древностью его населения и преемственностью культуры и расы»¹⁷.

Основателем Казанского ханства М.Г.Худяков считал хана Улуг-Мухаммеда, «внука Тохтамыша и сына Сарайского хана Джеляльуддина», в 1436 г. лишившегося золотоордынского престола и изгнанного из Сарая. После долгих скитаний по степным районам Поволжья Улуг-Мухаммед, по мнению ученого, решил отторгнуть от Улуса Джучи часть его владений и основать новое ханство. М.Г.Худяков пишет, что целью Улуг-Мухаммеда было «восстановление самостоятельного мусульманского государства в Среднем Поволжье, каким было Болгарское царство»¹⁸. Избрание Улуг-Мухаммедом столицей нового государства г. Казани, а не г. Булгара М.Г.Худяков объясняет экономическим и политическим упадком последнего. Захват Казани и возникновение самостоятельного ханства исследователь относит к 1437 г., вступая при этом в полемику с В.В.Вельяминовым-Зерновым, который относил это событие к 1445 г. и считал основателем ханства сына Улуг-Мухаммеда – Махмутека. Убийство хана Улуг-Мухаммеда Махмутеком М.Г.Худяков считал выдумкой автора «Казанской истории»: «зная приемы повествования «Казанского Летописца», легко признать в этом сообщении об убийстве Махмутеком отца одну из многочисленных выдумок автора»¹⁹. Сам М.Г.Худяков исчезновение имени Улуг-Мухаммеда со страниц русских летописей объяснял естественной смертью хана, т.к. тот был пожилого возраста.

Как и некоторые другие историки, М.Г.Худяков, ссылаясь на данные археологии, считал, что ко времени «занятия» Улуг-Мухаммедом Казань

была уже крупным торговым и политическим центром Поволжья. Историк отрицал «намеки русских летописей» на то, что «Улу Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя»²⁰. М.Г.Худяков также считал, что хан Улуг-Мухаммед, утвердившись в Среднем Поволжье, хотел «восстановить господство свое над Россией и заставить Московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не Сарайскому хану»²¹. Ученый писал, что «план основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения, и, задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование»²². «Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства, – отмечал М.Г.Худяков, – дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улуг-Мухаммеду»²³.

Само Казанское ханство рассматривается М.Г.Худяковым, в противовес предыдущей историографии, не как слаборазвитое, заранее обреченное на крах государственное образование, а как могучее и цивилизованное государство. «Государственный организм, – писал М.Г.Худяков, – возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имел все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу»²⁴. М.Г.Худяков даже указывал, что Казанское ханство находилось в более устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, в отличие от слабой на началь-

ном этапе своего развития Москвы. При этом исследователь отмечал положительное взаимовлияние татарской и русской культур: «Если влияние татарской культуры на русскую не приходится отрицать, то русские историки не могут пройти без внимания мимо истории Казанского ханства, с которым Русское государство было связано наиболее тесными узами»²⁵.

Далее в своей работе М.Г.Худяков очень детально рассматривает внешние, а также внутренние административные и этнические границы Казанского ханства, его внешнюю и внутреннюю политику (в т.ч. «Эпоху русского протектората. 1487–1521 гг.» и «Эпоху национального возрождения. 1521–1550 гг.»), социально-политическое устройство Казанского государства, культурное влияние татар на Россию, географию г. Казани и зодчество казанских татар.

Падение Казанского ханства М.Г.Худяков связывает с экономическими причинами. «Причина завоевания Казанского ханства со стороны России, – пишет он, – коренилась именно в экономических, торговых сношениях: одно государство стремилось завладеть рынком, товарами и капиталами государства другого, и борьба была решена в пользу той стороны, которая оказалась сильнее»²⁶. Само противостояние русских с казанцами он предлагает рассматривать в русле борьбы за Поволжье, где завоевание Казанского ханства – лишь один из ее этапов. По мнению М.Г.Худякова, Казанское ханство не смогло выдержать экономической конкуренции с Русью по нескольким причинам: во-первых, на всем протяжении своего существования Казанское государство занимало одну и ту же территорию, в то время как Русское государство непрерывно расширялось, тем самым увеличивая свой производственный потенциал; во-вторых, Москва отрезала Казань от пушного рынка на севере, и теперь сама играла решающую роль в торговле; в-третьих, ослаблению Казанско-

го государства способствовал консервативный олигархический строй, который не развивал, в достаточной мере, военное дело²⁷. Причины столь большой разницы в развитии М.Г.Худяков искал в расовых особенностях славянского и татарского населения: «Причины застоя могли быть чисто биологическими и объясняться расовыми признаками болгаро-татар»²⁸. В то время как «сформировавшаяся народность великороссов развивала свою деятельность весьма интенсивно», население Казанского ханства переживало застой, который был свойственен в то время всему «азиатскому Востоку»²⁹.

Таким образом, мы видим, что содержание «Очерков...» М.Г.Худякова соответствовало духу своего времени, когда шел процесс активного восстановления татарской культуры и духовности, а в российской гуманитарной науке господствовали интернационалистические, антиимперские подходы к прошлому своей страны. М.Г.Худяков, в отличие от прежних представителей традиционных антитатарских концепций, попытался написать объективную историю Казанского ханства. Хотя сам ученый отмечал, что эта книга написана лишь для привлечения внимания знатоков и специалистов к данному предмету исторических исследований, она остается до сих пор во многом непревзойденной.

Работа М.Г. Худякова получила широкий резонанс в научной среде. В частности, практически сразу же после ее выхода была опубликована рецензия, написанная С.И.Порфирьевым³⁰. Он крайне негативно и тенденциозно оценил «Очерки по истории Казанского ханства», даже не взяв на себя труд «читать книгу г. Худякова целиком...»³¹. Критика сводилась к двум вещам: во-первых, С.И.Порфирьев считал необоснованным пренебрежение М.Г.Худякова работами своих предшественников, занимавшихся историей Казанского ханства, во-вторых, он обвинял М.Г.Худякова в том, что тот очень вольно обращается с данными

источников³². Если первое замечание, на наш взгляд, было вызвано скорее желанием «осадить» молодого ученого, чем реальным положением дел, то второе являлось отчасти справедливым, т.к. в некоторых местах своей работы М.Г.Худяков действительно давал неверные отсылки на письменные источники, в частности – на летописи.

Отдельно отметим, что кроме широко известных в настоящее время «Очерков...» М.Г.Худяковым был написан и целый ряд научных статей по различным аспектам истории, археологии и этнографии тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в частности, отражающих духовную и хозяйственную жизнь этих народов в рамках Казанского ханства³³.

К сожалению, уже на рубеже 20–30-х гг. XX в. процесс создания национальных историй был прерван. Истории народов страны постепенно «растворились» в единой «истории СССР». Большинство объективно мыслящих историков было обвинено в «буржуазном национализме» и подвергнуто репрессиям...

Татарская историография 1920-х гг.

Крупнейшим татарским историком 20–30-х гг. XX в. по праву считается Газиз Салихович Губайдуллин (Г.Газиз) (1887–1937)³⁴. Он был одним из первых европейски образованных татарских интеллигентов и являлся первым профессором из татар. В 1909 г. Г.С.Губайдуллин поступает на юридический факультет Казанского университета, но через год по совету профессоров М.М.Хвостова и Н.Н.Фирсова переходит на историческое отделение. В 1916 г. он окончил Казанский университет с дипломом первой степени. Большую роль на взгляды Г.Газиза оказали профессора Н.Н.Фирсов и Н.Ф.Катанов, под руководством которых он занимался еще будучи студентом, а потом и в годы учебы в аспирантуре университета.

Наиболее полно и четко исторические воззрения Г.С.Губайдуллина отражены в его книге «Татар тарихы» («История татар», 1922), которая несколько раз переиздавалась и дополнялась новыми данными. Впоследствии точка зрения на историю Казанского ханства у ученого несколько менялась³⁵ – это было связано с усилением советского идеологического давления на науку.

Г.С.Губайдуллин следовал в русле идей М.Н.Покровского, несомненно, не без влияния Н.Н.Фирсова, и рассматривал историю с позиции теории торгового капитала. Как писал сам историк: «Историю всех народов определяет экономическая жизнь. Она есть причина многих, если не всех, явлений жизни. Поэтому изучение истории татар должно сопровождаться исследованием экономического развития»³⁶. Большую роль в истории Г.С.Губайдуллин придавал торговым путям, поэтому в его концепции истории важную роль играли представления о Среднем Поволжье как месте пересечения этих торговых путей, где происходил обмен товарами между Европой и Азией. Г.С.Губайдуллин считал, что за обладание этим ключевым торговым пунктом и шла постоянная борьба между государствами Восточной Европы. Сначала им владели поочередно Хазарский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, затем Казанское ханство. Г.С.Губайдуллин связывал возникновение Казанского ханства с потерей городами Булгарии прежнего экономического и стратегического значения. Падение Булгарии, по его мнению, напрямую связано с ослаблением Золотой Орды. Сама же Золотая Орда, на его взгляд, стала «жертвой» глобальных изменений в экономике и политике всей Европы, которые были связаны с открытием новых торговых путей мореходами Португалии и Испании. Немаловажное значение имели и захват турками Константинополя и Босфора, а также разгром эмиром Тимуром городов Поволжья. В результате всех этих событий появля-

ется новый центр края Старая Казань. Г.С.Губайдуллин делает вывод, что «наш край до образования Казанского ханства управлялся из этого центра», а сам этот период он называл «промежуточным»³⁷.

Образование Казанского ханства татарский историк относил к 1438 г., когда Улуг-Мухаммед, понимавший значение волжского торгового пути, сумел на территории бывшей Волжской Булгарии организовать новое государство. Г.С.Губайдуллин указывал на сходство этих двух государств, даже границы Казанского ханства он соотносил с Булгарским государством: с запада – река Сура, с востока – Уральские горы, с юга – Самарская Лука, с севера – Вятские области. Интересна позиция Г.С.Губайдуллина относительно населения ханства. Он писал, что народ ханства, в большинстве своем оседлый, не был моноэтническим: основную его массу составляли тюрки татары, которые пришли из Золотой Орды (правители которой происходили из племени «кара татар») и дали свое имя «всем туркам [тюркам], живущим в этой области»³⁸, а остальное население было разнородным – сюда входили болгары, марийцы и чуваша. В этой связи проблема происхождения современного татарского народа решилась им довольно просто. «Вот эти, – писал Г.С.Губайдуллин, – представители разных этнических элементов, проживая более столетия в обстановке политического равноправия [подчеркнуто нами], варились в одном котле, обогащаясь культурой друг друга и, в конечном счете, превратились в дружеских и братских народов, которые впоследствии создали Татарскую республику»³⁹.

Социальный строй Казанского ханства, по мнению ученого, «остался тот же, что был в золотоордынскую эпоху Болгарского ханства, но с более развитым оттенком феодализма»⁴⁰. Он указывал на монархическое правление в ханстве, но отмечал, что после смерти третьего хана Халила уси-

ливается власть аристократии, которая все чаще и чаще вмешивается в политические дела государства. Поэтому Г.С.Губайдуллин приходит к выводу, что «Казанское ханство, формально возглавляемое суверенным ханом, фактически управлялось светскими и духовными феодалами, военным классом помещичьей аристократии»⁴¹ и во многом повторяло и копировало государственное устройство Золотой Орды. Казанское ханство, писал Г.Газиз, «было построено по типу государств Чингизидов, где управление было организовано по военному принципу, а весь народ был военизированным, подразделявшимся на десятки, сотни и тысячи»⁴². В качестве господствующего класса им выделялось военно-аристократическое сословие, состоящее из карачеев, беков-«князей», уланов, мурз и тарханов, считавших Казанский «юрт» наследником Золотой Орды. Г.С.Губайдуллин придавал большое значение институту карачибеков, отмечая, что это особо привилегированный слой правящей татарской знати. Он первым обратил внимание на тот факт, что карачибеки подразделяются на четыре рода – Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак не только в Казанском ханстве, но и в других пост-золотоордынских государствах. Таким образом, взгляды татарского ученого на социальный строй Казанского ханства противоречивы – с одной стороны, он говорит о том, что социальный строй остался таким же, каким был в Булгарском государстве, с другой – отмечает сходство социального строя Казанского, Крымского ханств и Ногайской Орды.

Г.С.Губайдуллин, так же, как и русские историки, до него делил аристократию Казанского ханства на партии, которые выдвигали ханов. Исследователь повторял традиционное для историографии того времени мнение об отсутствии государственного порядка в Казанском ханстве. Писал, что татарские феодалы владели зависимыми людьми, называемыми

им «кул чура»⁴³. Были в этом государстве и юридически свободные люди, которые жили преимущественно в самой Казани. Отдельный класс населения представляли рабы. Также отдельно Г.С.Губайдуллин выделял в ханстве собственных «князей» периферийных народов ханства, которые ими управлялись. Кроме светского феодального класса, автор определяет духовно-феодальное сословие. В него входили сеиды, шейхи, муллы, абызы, шейхзады и муллазады, которые также владели многочисленными «землями и водами» и имели различные привилегии.

Г.С.Губайдуллин называл три источника доходов Казанского ханства – военную добычу, пошлины с товарооборота и налоги с населения. Он сравнивает налоговую систему Казанского ханства с системой Монгольской империи и Крымского ханства. И хотя он акцентирует внимание на том, что главным источником дохода Казани являлись именно налоги, тем не менее пишет, что войны с Московским государством приносили большую выгоду, т.к. доставляли большое количество пленных «и для себя, и для продажи»⁴⁴.

Историк подчеркивал военизированный характер Казанского ханства: «Казань и все ханство представляло собой военный лагерь. Это государство родилось в войне и пало в ней»⁴⁵. Непрерывные войны мешали казанцам развивать культуру. «По этой причине, – пишет Г.С.Губайдуллин, – думать о большом культурном развитии в этой стране было бы неправильно»⁴⁶. Казанцы «даже стали терять былые болгарские достижения»⁴⁷ и лишь «сохранять те достижения, которые были в эпоху золотоордынского господства»⁴⁸. Это повлекло за собой ослабление военной мощи государства. Захват Казани Москвой Г.С.Губайдуллин считал вполне закономерным процессом. Москва, с его точки зрения, была более развитым государством, т.к. географически располагалась по соседству с более развитой Европой. Благодаря этому соседству, русские раньше начали

применять огнестрельное оружие и сумели пригласить к себе специалистов в оружейном деле из Европы. «У татар, – писал ученый, – оставалась лишь прежняя воинственность, но в сравнении с русскими они были более отсталыми экономически, политически и культурно»⁴⁹. Эта отсталость начиналась с государственного устройства и заканчивалась полным превосходством в военном деле. В то время как русские «цари строили свое государство на крепкой основе», в это же самое время «в татарских ордах во всех этих вопросах была полная анархия», а «беки, мурзы, саиды играли в государственные дела, как в игрушки»⁵⁰. В военном деле, по мнению историка, Казанское ханство сильно уступало Московскому государству как в вооружении, так и в военной организации, которая осталась «у татар на уровне Чингиза»⁵¹. «Казань, – подчеркивал Г.С.Губайдуллин, – проводившая время в непрерывных войнах, не сумела создать и военную культуру, в то время как русская поднялась на значительную высоту»⁵². На основе всех этих данных Г.С.Губайдуллин делает вывод о том, что «московские войска должны были победить татар»⁵³.

К сожалению, положительные тенденции становления татарской исторической школы и новой концепции истории татарского народа и Казанского ханства были прерваны насильственным путем. Усиление идеологического диктата и тотального контроля за «чистотой идеологии», борьба с «татарским буржуазным национализмом» привели к закрытию Академического центра и других центров краеведения в Казани. В начале 1930-х гг. был закрыт исторический факультет Казанского университета и Общество археологии, истории и этнографии. Вслед за эмигрантами «первой волны» – Садри Максуди и Гаязом Исхаки из Казани был вынужден уехать и Г.С.Губайдуллин. Начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее заметных

татарских историков и гуманитариев – Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Али Рахима, Саида Вахиди и многих их коллег и учеников. Это привело к тому, что исторические исследования у татар практически прекратились. На месте этой «выжженной пустыни» идеологи советского общества стали возводить свою конструкцию исторического прошлого татарского народа.

Татарская историческая мысль, по сути дела, сохранилась лишь в эмиграции, где плеяда энциклопедически образованных ученых пыталась создавать труды по средневековой татарской истории. Среди них можно выделить Г.Баттала⁵⁴ и А.Н.Курата⁵⁵, а также лидера башкирского национального движения, востоковеда с мировым именем Ахмеда-Заки Валиди (Валиди-Тогана)⁵⁶, опубликовавших на турецком и иных языках много интересных работ по истории тюрков в целом, и Казанского ханства, в частности. Творчество этих ученых заслуживает серьезного внимания, хотя историю Казанского ханства они затрагивали лишь вскользь⁵⁷ или в узкопроблемном виде⁵⁸, следуя в своих концепциях за историками-традиционалистами – Р.Фахретдиновым, Г.Ахмеровым и Х.Атласи.

Советская историография 1930–1950-х гг.

Отечественная историческая наука в советские годы была искажена и исковеркана. В советском обществе оценка того или иного факта или события прошлого напрямую зависела от того, как они трактовались партийным руководством. Провозглашенная денационализация истории, внедрение вульгарных социологических схем в объяснение событий прошлого, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический контроль, отрицание историографического наследия прошлого и зарубежной «буржуазной» историографии, а также уничтожение целой

плеяды «контрреволюционных» историков стали непреодолимой преградой на пути написания объективной истории татарского народа. При всем при этом партийное советское руководство во главе с И.Сталиным уже с середины 30-х гг. XX в. начало поворот к политическим и идеологическим традициям Российской империи, что выразилось, в частности, в возрождении государственнической традиции российской историографии XIX в. в освещении истории Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства, которые стали рассматриваться как ярко враждебные явления в феодальной истории России–СССР.

Одной из первых попыток в советское время создать историю татар были «Очерки по истории ТАССР». Работа над ними началась сразу после создания в Казани Института языка, литературы и истории в 1939 г. Война и отсутствие профессиональных кадров затормозили работу, но находившиеся в эвакуации в Казани в годы войны ученые-историки из Академии наук СССР активно подключились к ней. К 1944 г. основные материалы «Очерков...» были подготовлены казанскими историками, в частности, Н.Ф.Калининым и Х.Г.Гимади, совместно с учеными из Москвы – А.П.Смирновым, Б.Д.Грековым и С.В.Бахрушиным. В этом сборнике трактовка основных событий татарской истории, по сравнению с трудами 1920-х гг., была кардинально изменена: подчеркивалась болгарская основа этногенеза татарского народа, критиковалась завоевательная политика монголов и ханов Золотой Орды, говорилось о неизбежности и прогрессивности «вхождения» Поволжья в состав России. Однако осенью 1944 г. это исследование было подвергнуто критике и забраковано. Вскоре после этого появилось знаковое не только для исторической науки, но и для всей гуманитарной сферы Татарии Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической

и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г.⁵⁹, в котором указывался целый ряд «ошибок» в освещении истории татар и татарской литературы. В частности, это касалось «идеализации» Золотой Орды и популяризации «ханско-феодального» эпоса «Идегей». Эти «ошибки» были охарактеризованы в постановлении как «буржуазно-националистические». Решения ЦК ВКП(б) претворялись в жизнь через постановления Татарского обкома, где прямо говорилось, как надо изучать историю татарского народа. Бюро обкома считало, что ошибки Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выражаются «в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идегее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве, как захвата...»⁶⁰.

По партийной идеологеме, ставшей господствующей в науке, Золотая Орда была вычеркнута из истории татарского народа, а Казанское ханство своими корнями прямо возводилось к Булгарскому государству. Окончательное завершение и санкцию на «истину в последней инстанции» эта концепция получила на научной конференции, проведенной совместно Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР в апреле 1946 г. На ней были заслушаны доклады и выступления специалистов по истории, археологии, тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили считать современных казанских татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать лишь в качестве внешнего явления для этнической истории татар Поволжья. Материалы этой конференции были опубликованы в специальном сборнике трудов. Здесь А.П.Смирнов на базе данных ан-

тропологии и археологии доказывал, что татары Поволжья являются европеоидной группой с небольшой монголоидной примесью. На основе этого он делал вывод, что «монголы, пройдя огнем и мечом Волжскую Булгарию, не осели в Среднем Поволжье или, во всяком случае, не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар»⁶¹. Причину наличия незначительной монголоидной примеси у татар А.П.Смирнов видел в Улуг-Мухаммеде и его дружине, захвативших Казань. По мнению историка, «это обстоятельство несколько осложнило процесс формирования татар Поволжья»⁶². С Улуг-Мухаммедом А.П.Смирнов связывал не только появление новой политической и военной организации, но и наименование татар. Однако, несмотря на все усилия бывшего золотоордынского хана, «сами татары, да и их соседи продолжали называть себя булгарами»⁶³. Антрополог Т.А.Трофимова на основе анализа данных антропологического состава татар Среднего Поволжья сделала вывод о том, что «современное татарское население сложилось на базе древних пластов местного населения, включившего в свой состав некоторые более поздние антропологические наслоения»⁶⁴. Еще один участник конференции, Н.Ф.Калинин, высказал мнение о прямом сходстве культуры казанских татар с культурой волжских булгар, которые «были одним из важнейших компонентов в сложении народности казанских татар»⁶⁵. В конференции приняли участие также Н.И.Воробьев, Л.З.Заяля, М.Н.Тихомиров, Н.К.Дмитриев, А.Ю.Якубовский и другие ученые. Все они впоследствии в своих работах отстаивали положения, принятые на конференции 1946 г.

На основе вывода, сделанного на конференции, в 1948 г. были подготовлены «Материалы по истории Татарии». В этой работе нет отдельной статьи, посвященной истории Казанского ханства, но в ней указан prospect гото-

вящейся «Истории Татарской АССР». Раскрывая кратко содержание ее первого тома, один из авторов проспекта, Х.Г.Гимади, отмечал, что «авторы исходили из положения, что в формировании казанских татар основное участие принимали местные племена и камские булгары... Монголо-татары рассматриваются как завоеватели, которые, основав военно-феодалное агрессивное государство Золотой Орды, установили свое иго над народами Среднего Поволжья, в т.ч. и булгарами. Казанское ханство рассматривается как государство, возникшее на базе болгарского царства, что стало возможным благодаря распаду Золотой Орды и в первую очередь в результате тех ударов, которые нанесли Орде русские»⁶⁶.

Ведущим казанским историком, развивавшим концепцию болгаро-татарской преемственности, был именно Х.Г.Гимади. Он подвергал критике «буржуазно-националистическую» историографию, которая, по его мнению, «идеализировала Золотую Орду как передовое государство своего времени, а также ее деятелей...» и «тем самым пыталась противопоставить казанско-татарскую народность другим народам России, в первую очередь русскому»⁶⁷. При изучении истории татарского народа и Казанского ханства он часто опирался на сведения «Казанской истории» и другие русские летописи. Х.Г.Гимади писал, что на территории распадающейся Золотой Орды складываются совершенно новые, независимые от нее, экономические и политические образования. К одним из таких он относил Казанское ханство, возникшее на территории Волжской Булгарии. Ханство сформировывалось с доминированием болгарского населения, которое в большом количестве переселилось в Предкамье и на правобережье Волги. Недаром, по его мнению, Казань получила название «Новый Булгар». Х.Г.Гимади, так же, как и А.П.Смирнов, настаивал на мнении о нежелании коренного населения Ка-

занского ханства именовать себя «татарами»⁶⁸. А термины «татары» и «татарове» в «Казанской истории» употреблялись якобы только в тех случаях, когда между Казанью и Москвой происходили враждебные столкновения. Тем самым Х.Г.Гимади подчеркивал, что лишь верхушка казанско-ханского общества продолжала золотоордынскую политику и могла соотносить себя с потомками золотоордынских татар. Он писал, что «казанские татары – не пришельцы, а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья», а население Казанского ханства состояло в основном из болгар и продолжало развивать свои прежние хозяйственные и культурные традиции⁶⁹. Изменение же этнического состава населения и отличие болгар X–XIII вв. от казанских татар XVI и позднейших веков происходили «за счет аборигенов края и других элементов, включившихся в состав болгаро-татарского народа»⁷⁰. Х.Г.Гимади приходит в своих исследованиях к выводу, что нельзя отождествлять историю золотоордынских татар с историей казанских татар.

Одной из книг, которая давала четкую установку, как нужно рассматривать историю Казанского ханства, был 1-й том «Истории Татарской АССР», вышедший в 1951 г. Этот коллективный труд вскоре, после 1953 г., был изъят из пользования вследствие того, что в нем давались ссылки на работы «корифея всех наук» И.Сталина. В условиях начавшейся борьбы нового партийного руководства против «культы личности Сталина» такое частое цитирование трудов Сталина считалось «идеологической ошибкой». Исправленный (т.е. не содержащий ссылок на Сталина, а в остальном оставшийся без всяких правок) вариант «Истории Татарской АССР» появился в 1955 г. Он открыл целую эпоху аналогичных изданий (1960, 1968, 1973, 1980). Учитывая время, в которое появилась «История Татарской АССР», нельзя было рассчитывать на объективное обозре-

ние истории Поволжья. Автор главы о Казанском ханстве Н.Ф.Калинин излагал скорее не историю народа и государства, а историю классовую борьбу. Он развивал идеи, высказанные им и другими исследователями (в частности, А.П.Смирновым и Х.Г.Гимади), о происхождении татар и Казанского ханства. Но его отношение к Казанскому государству стало еще более тенденциозным и отрицательным. Ханство представляется им как дикая и неразвитая орда, со слабой экономикой и агрессивной, но слабой верховной государственной властью. По мнению авторов «Истории...», Казань с самого своего основания была обречена на «присоединение» быстро развивающимся Русским государством. Причем само «присоединение» было показано ими как прогрессивный, поддержанный населением шаг и единственный выход из тупика в развитии для Казанского ханства: «Присоединение Казани к Русскому государству имело громадное исторически-прогрессивное значение»⁷¹.

Как мы видим, на смену старой идее о захвате Казанского ханства как «абсолютном зле» теперь появлялась теория т.н. «меньшего зла», по которой «присоединение» Казанского ханства к Москве спасало народы Среднего Поволжья от «опасности быть поглощенными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры»⁷². Этим «присоединением» Россия, тем самым, наносила серьезный удар по «захватническим устремлениям Турции, которая намеревалась распространить господство свое на Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию»⁷³.

По мнению авторов учебника, события второй половины XIV и начала XV в. привели древнюю Болгарию к полному распаду. Большинству населения приходится с коренных обжитых земель переселяться на север – в Предкамье и на северо-запад – в бас-

сейн нижнего течения реки Свияги. Сюда перенесли свою деятельность и феодалы, захватывая земли и подчиняя себе живущее здесь население. Такова идея «Истории Татарской АССР» об образовании в Поволжье новых княжеств «по типу болгарских». Вскоре среди этих княжеств первенствующего положения достигло Иски-Казанское. Оно подчинило себе все другие владения, но в 1399 г. было разгромлено князем Юрием Дмитриевичем. Образование нового политического образования с центром в Казани относится, по мнению авторов, к 30–40-м гг. XV столетия: «На вновь созданной к тому времени экономической базе возрождается местная государственность, разрозненные феодальные княжества объединяются в более сильный политический организм – Казанское ханство»⁷⁴.

Основной народностью ханства, по мнению авторов «Истории...», являлись казанские татары, которые сформировались из аборигенного населения и пришедших из Приазовья тюркоязычных болгарских и некоторых родственных им племен. Авторами книги указывается на чрезвычайно слабую центральную власть в ханстве и приводится факт того, что «феодалы, командовавшие даже не особенно крупными отрядами и ополчениями, обычно слабо подчинялись хану»⁷⁵. Отсталый строй государства, его слабая экономика сказались на вооружении ханства, что впоследствии привело к событиям 1552 г. Первым казанским ханом в «Истории Татарской АССР» назван сын Улуг-Мухаммеда, Махмутек, который продолжил агрессивную политику своих предшественников-ханов по отношению к Москве. В 1445 г. Махмутек, выдвинутый некоторыми казанскими феодалами, силой захватил Казань и убил местного вотчинника Алибея (Либея). Появление сына Улуг-Мухаммеда в Казани совпало со стремлением значительной части казанских феодалов иметь сильную центральную власть. Однако агрессивная,

золотоордынского типа, политика, направленная против русских, разделила феодалов на две большие группировки: восточную и русскую. Эти сложные внутренние противоречия, как считают авторы книги, в конце концов, приводят к «присоединению» Среднего Поволжья к Русскому государству, которое «стало исторической необходимостью»⁷⁶.

В 1952 г. Н.Ф.Калинин опубликовал книгу по истории Казани, изучению которой он посвятил 40 лет. В ней в очередной раз была доказана преемственность Казани от волжских булгар. В тексте монографии Н.Ф.Калинин прямо указал, что в вопросе этногенеза казанских татар он держится тех данных об их аборигенном происхождении, которые были добыты трудами советских ученых и обсуждены на конференции в 1946 г. Для написания истории Казани в XV и первой половине XVI в. письменными источниками для Н.Ф.Калинина служили русские летописи, особенно Никоновская, «Казанская история», «Царственная книга», а также татарские летописи. Древняя история Казани, в частности возникновение феодального городка на территории современного города, построенного, по мнению историка, местным булгарским князем еще в XIII в., а не золотоордынским ханом Улуг-Мухаммедом в 1430-х гг., освещается на основании археологических исследований, проведенных самим Н.Ф.Калининым. Появление на политической карте Казанского ханства он объясняет желанием местного населения во главе с крупными князьями и мурзами создать мощное государство. «В целях обороны и защиты своих феодальных интересов многие мелкие княжества объединяются в одно, во главе которого стал Али-бей», – пишет Н.Ф.Калинин. Таким образом, ученый считал, что Казанское ханство образовалось еще до прихода ордынских ханов и что оно было мощным государством. Само завоевание Казани ордынцами Н.Ф.Калинин относит к 1445 г.

и приписывает его Махмутеку, сыну Улуг-Мухаммеда. Эта золотоордынская династия была угодна «той группе местных феодалов, которая строила свое хозяйство на подневольном труде пленников»⁷⁷. С этой группой Н.Ф.Калинин связывал агрессивную политику Казани против Руси, замечая, что «большинство населения было против грабительских войн и стремилось к сближению с русскими»⁷⁸.

Некоторые сведения о Казанском ханстве при изучении этногенеза казанских татар дает этнолог Н.И.Воробьев. Он писал, в соответствии с «булгаристской» концепцией, что Улуг-Мухаммед возглавил уже сложившееся деяниями булгар государство, каким было Казанское ханство. Ученый поддерживал мнение о том, что сам Улуг-Мухаммед в Казани не жил, а правили здесь только его преемники. Развивая мысль Х.Г.Гимади и А.П.Смирнова, он писал о несогласии местных булгарских феодалов с агрессивной политикой золотоордынских ханов, которые продолжали в Казани политику Золотой Орды. Главной целью этой золотоордынской политики Н.И.Воробьев считал восстановление власти татар над Русью и Поволжьем⁷⁹.

В русле этих тенденций освещения истории татарского народа в 1953 г. выходит 2-томная книга «Очерки истории СССР» под редакцией Б.Д.Грекова, Л.В.Черепнина и В.Т.Пашуто, где также содержался раздел об истории Казанского ханства. В нем были повторены основные выводы названных выше советских историков. Авторы «Очерков...» также связывают процесс этногенеза казанских татар со значительным воздействием на него местного булгарского населения. Информация о государственном устройстве Казанского ханства полностью списана из «Истории Татарской АССР». Однако есть и некоторые интересные моменты. Образование Казанского ханства напрямую увязывается, во-первых, с упадком Золотой Орды, во-вторых, с именем золотоордынского хана Улуг-

Мухаммеда⁸⁰. Но при этом прерогативу захвата Казани авторы «Очерков...» отдают Махмутеку, которого поддерживала часть местного населения, желавшая усиления центральной власти. По мнению исследователей, агрессивная политика казанских ханов против Русского государства за преобладание в Среднем Поволжье с самого начала была обречена на провал. Причину этого они видели в междоусобицах среди казанских феодалов: «В то время как в русских землях шел процесс государственной централизации, в Казанском ханстве не было достигнуто политическое единство»⁸¹, – эти внутренние усобицы и династическую борьбу в ханстве умело использовало Русское государство.

Интересную трактовку истории возникновения Казанского ханства мы можем прочесть в Большой Советской энциклопедии 1953 г. издания. Здесь начало самостоятельного Казанского ханства также относится к 1445 г. в связи с захватом Казани ханом Махмутеком. Это, по мнению автора статьи, привело к покорению и в дальнейшем к ассимиляции волжских булгар пришлыми татаро-монгольскими завоевателями⁸². Казанское ханство здесь рассматривалось как продолжатель традиционной золотоордынской политики и большая опасность для Русского государства. Тем самым оправдывался захват Казани в 1552 г.

Подобная однобокая трактовка этногенеза и этнической истории татарского народа стала нормой советской историко-этнографической науки, а ключевые этапы формирования и развития государственности Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств Поволжья долгое время освещались под углом зрения булгарской теории. В научном плане данные исследования ныне могут представлять лишь историографический интерес. Труды, выпущенные по заранее указанной схеме, под которую, как под «прокрустово ложе», подгонялся фактологический материал, просто

не могли выдержать испытания временем. Прямо связанные с идеологическим диктатом и запретами на изучение огромного пласта истории, они «рухнули», когда рухнули указанные идеологические скрепы. Кроме традиционных для российской имперской историографии в них были еще и новации, например, тезис о «прогрессивном» характере завоевания Поволжья для самих татар и других народов Поволжья. До таких теоретических изысков не могли додуматься даже православная историография и имперские историки XIX в. – и ее всецело можно отнести к «зияющим высотам» советской исторической мысли...

В историческом плане указанные выше советские исследователи не смогли ни высказать оригинальных концепций средневековой истории татар, ни привлечь к рассмотрению истории Казанского ханства новые источники. В их трудах практически весь текст – это идеологические клише и схемы. Пожалуй, главное их достоинство в том, что они были, показывая, что не все страницы истории татарского народа можно вычеркнуть из прошлого и заставить забыть о них целый народ.

***Татарская историография
периода «оттепели»:
труды Ш.Ф.Мухамедьярова***

Своеобразным «лучом света в темном царстве» в отечественной историографии истории Казанского ханства 1950-х гг. явилась диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Шамиля Фатыховича Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)», написанная в 1950 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР М.Н.Тихомирова и успешно защищенная в Москве в 1956 г.⁸³. Эта работа, репринтное воспроизведение которой, благодаря стараниям сотрудников Ин-

ститута истории АН РТ, увидело свет в 2012 г., явилась серьезным шагом вперед на пути объективного изучения истории Казанского государства. Не останавливаясь на «отпечатках времени» в тексте диссертации, отметим наиболее оригинальные ее положения.

В своем исследовании Ш.Ф. Мухамедьяров использовал широкий круг доступных ему источников. Все разнообразие их анализируется автором в первой главе диссертации (с.8–53), где отмечается «отсутствие единого компактного фонда источников, на основании которых можно было бы поставить и осветить вопросы социально-экономической истории Казанского ханства». Это обстоятельство обусловило привлечение автором разнообразных по своему характеру и происхождению источников как на русском, так и на восточных и западноевропейских языках. Из всей совокупности источников, привлеченных к исследованию, Ш.Ф.Мухамедьяров на первый план ставит следующие: 1) ярлык хана Сахиб-Гирея; 2) татарские завещания; 3) казанско-татарскую эпиграфику; 4) труды Хисамуддина Муслими и Кадыр Али-бека; 5) поэмы Мухаммедьяра; 6) фольклорные материалы; 7–8) русские летописи; 9) «Историю...» А.М.Курбского; 10) сборники исторических и юридических актов; 11) неопубликованные русские источники из фондов Центрального государственного архива древних актов; 12) «Записки...» С.Герберштейна. В диссертации, как пишет автор, кроме указанных источников, эпизодически привлекались данные археологии, этнографии и лингвистики. Ш.Ф.Мухамедьяровым было отмечено, что «возможность использования археологических источников была чрезвычайно ограничена, т.к. археологическое изучение Татарстана в дореволюционный период и достижения советской археологии..., имеющие важное значение для понимания истории Татарстана в древний период и раннее средневековье, прямого отно-

шения к интересующему нас Казанскому ханству не имеют». Таким образом, мы видим, что диссертация строится на базе привлечения самых разнообразных источников, не позволивших, однако, ее автору «полностью разрешить проблемы феодального прошлого Казанского ханства».

Далее диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова разделена на несколько глав, основное содержание которых полностью отражено в заглавии глав и параграфов: Гл.2. Хозяйство Казанского ханства (§1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства; §2. Свидетельства источников о развитии земледелия в Волго-Камском крае в XV–XVI вв.; §3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве; §4. Основные сельскохозяйственные орудия; §5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство); Гл.3. Феодальное землевладение (§1. Предварительные замечания; §2. Ханское землевладение; §3. Крупное феодальное землевладение; §4. Сойюргал – основной вид феодального землевладения в Казанском ханстве); Гл.4. Положение крестьянства (§1. Вопрос о крепостном праве; §2. Крестьянское землевладение; §3. Общий перечень податей и повинностей крестьян); Гл.5. Ремесло и торговля в Казанском ханстве (§1. Вопрос о татарском феодальном городе; §2. Город Казань; §3. Внутренняя торговля; §4. Внешняя торговля; §5. Ремесло); Гл.6. Государственный строй Казанского ханства (§1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии; §2. Образование Казанского ханства; §3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев; §4. Высшие органы власти; §5. Высшие органы управления; §6. Местные органы власти; §7. Местные органы управления).

Как мы видим, в диссертации Ш.Ф.Мухамедьярова затронуты многие проблемы политической и социально-экономической истории Ка-

занского государства. На наш взгляд, рассматривая эту работу, в первую очередь необходимо обратить внимание на шестую главу. По мнению автора диссертации, после монгольского завоевания 1236 г. Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды, «сохранив некоторые элементы автономии». В это время она была феодально-раздробленной и состояла из нескольких княжеств, наиболее крупными из которых были Булгарское, Жукотинское и Иски Казанское. Упадок Золотой Орды приводит к отделению от этого государства целых улусов, «процессу объединения феодально-раздробленных княжеств Волжско-Камского края» и отделению Булгарии от Золотой Орды. «В 1407 году, – пишет Ш.Ф.Мухамедьяров, – Казань, по-видимому, [уже] была независимой от Золотой Орды», о чем свидетельствует информация И.Шильтбергера, русских летописей и ряда монет, чеканенных в Болгаре ал-Джадид. В это время население центральных улусов Золотой Орды, пытаясь избежать бесконечных разорений от внутренних феодальных междоусобиц и внешних вторжений, перекочевывает на окраины Золотой Орды: в Булгарию, Крым, Сибирь и т.д. «Связь между [пришедшим в запустение] центром Золотой Орды и окраинами постепенно прерывается, и на окраинах складываются самостоятельные государственные образования, способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанских татар, ногайцев и др.)». По мнению автора диссертации, не имеет решающего значения – кем было основано Казанское ханство – Улуг-Мухаммедом в 1437–1438 гг. или Махмутеком в 1445 г. Важно, что «в условиях постоянных феодальных войн и нападений соседей установление более сильной власти, чем та, которая была до первых казанских ханов, должно было положительно повлиять как на экономику страны, так и на положение населения». Хань нашли здесь поддержку среди «части местного населения»,

видевшего в их приходе усиление центральной власти и ослабление постоянных междоусобиц. «Попытку изобразить возникновение Казанского ханства исключительно как результат завоевания народностей Волжско-Камского края вооруженными отрядами золотоордынских татар следует признать ошибочной», – заключает автор.

Анализируя высшие органы власти Казанского ханства, Ш.Ф. Мухамедьяров отмечает, что Казанское государство являлось слабо централизованной феодальной монархией, во главе его стоял хан – первый феодал-земледелец в стране, повседневная деятельность которого «контролировалась и направлялась верхушкой феодального класса». Далее он рассматривает совет при хане – диван, который состоял из «приближенных ко двору представителей феодальной знати и высшего мусульманского духовенства». Главными членами дивана были представители «четырех известных татарских фамилий: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак», носившие специальное название «карачи» (букв. ‘смотритель’, русское «князь князей»). Вся территория Казанского ханства в административном отношении делилась на несколько «дорог» – Ногайскую, Арскую, Алатскую, Зюрейскую и Галичскую, о чем свидетельствуют материалы ЦГАДА (ф.1209, кн.152, 642) и др.; эти дороги, в свою очередь, делились на улусы («вилаятьи», области), во главе которых стояли наместники центрального правительства (дивана и карачи-беков?) – «хакимы», о чем свидетельствуют тексты ярлыка Сахиб-Гирея (строки 2, 4, 5) и «Казанской истории». Для обсуждения наиболее важных государственных вопросов собирался съезд казанских феодалов – «курултай», называвшийся в русских источниках «вся земля Казанская». Это было «собрание казанских феодалов (светских и духовных), с участием представителей князей и старейшин входивших в Казань».

ское ханство племен и народностей». Здесь Ш.Ф.Мухамедьяров резко критикует М.Г.Худякова за то, что он называл курултай «единственным выразителем народной воли», что, по мнению диссертанта, «является грубым извращением природы политической надстройки в классовом обществе».

Характерной чертой центральной татарской администрации, пишет Ш.Ф.Мухамедьяров, являлось тесное переплетение публичных и частных функций должностных лиц: не было четкого различия высших органов государственного управления от органов управления частными делами хана. Далее он дает анализ дворцовых чинов в Казанском ханстве: главы финансового ведомства, дворецкого (ведавшего ханским хозяйством), конюшего, ловчего (ведавшего ханской охотой), окружного (ведавшего ханским арсеналом?), «хлебкормля» (ведавшего ханской кухней), аталыка (воспитателя ханских детей), пишет о ханской канцелярии и т.д.

Какие же выводы делает Ш.Ф. Мухамедьяров в заключение своей диссертации? По его мнению, изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Земледелие было главным занятием жителей, основой феодального способа производства. При этом земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских булгар. Основными земледельческими районами государства были Заказанье и Горная сторона. Земля являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп: феодалов и крестьян. Верхушку феодальной знати со-

ставляли эмиры (беги, князья). Вторую категорию феодалов составляли мурзы – дети эмиров. Третью категорию составляли огланы – служилые феодалы-военачальники. Самой низшей категорией феодалов были казаки. Особую влиятельную группу феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Типичной формой земельных отношений в ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод – сойюргал – вотчина). Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землей. Неоднократные вооруженные восстания крестьянского населения (1496, 1546, 1551 и другие гг.) против казанских ханов и их феодалов, пишет далее Ш.Ф.Мухамедьяров, наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе.

Таким образом, мы видим, что при всех объективных (слабая источниковая база) и субъективных (см. предыдущий параграф нашей книги) факторах, сопутствующих исследовательской работе Ш.Ф.Мухамедьярова, он смог относительно объективно изложить накопленный им материал и доказать, что «государственное образование народов Среднего Поволжья» Казанское ханство представляло собою достаточно развитое феодальное государство. Свои основные положения о политическом и социально-экономическом развитии Казанского ханства Ш.Ф. Мухамедьяров развил в последующие годы во многих своих публикациях по истории Казанского ханства, обратив позднее пристальное внимание этногенезу и этнической истории татарского народа, культуре Казанского ханства, а также событиям 1552 г.⁸⁴. Все эти работы историка внесли существенный вклад в исследование средневековой этнополитической и социально-экономической истории татар Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1921. – С.3.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. – С.64.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии: Краткий научно-популярный исторический очерк. – Казань, 1926. – С.14.
- ⁷ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории... – С.67.
- ⁸ Там же. – С.60.
- ⁹ *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии... – С.19.
- ¹⁰ Там же. – С.23–24.
- ¹¹ О нем и о его трудах см., например: *Байрамова Ф.А.* Михаил Худяков и история татарского народа. – Казань, 2003; *Ее же.* Роль М.Г.Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. РКД. – Казань, 2006. В этих же работах указана основная литература о М.Г.Худякове и его исследованиях.
- ¹² *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства [Репринтное воспроизведение издания 1923 г.]. – Казань, 1990. – С.12.
- ¹³ Там же. – С.33.
- ¹⁴ Эта идея была подхвачена позднее некоторыми исследователями и широко развивалась в советской науке.
- ¹⁵ *Худяков М.Г.* Очерки... – С.10.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. – С.21.
- ¹⁸ Там же. – С.24.
- ¹⁹ Там же. – С.32.
- ²⁰ Там же. – С.24.
- ²¹ Там же. – С.25.
- ²² Там же. – С.31.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. – С.9.
- ²⁵ Там же. – С.11.
- ²⁶ Там же. – С.240.
- ²⁷ Там же. – С.243.
- ²⁸ Там же. – С.244.
- ²⁹ Там же. Критику этих взглядов М.Г.Худякова см., например: *Хамидуллин Б.* Аерылганны аю ашың // Мәдәни жомга. – 1995. – №17. – 10 ноября. – 12 б.; *Хамидуллин Б.* Нетрадиционный взгляд на историю Поволжья VIII – первой половины XVI веков // Идель. – 2000. – № 4. – С.40.
- ³⁰ *Порфирьева И.В.* С.И.Порфирьев и работа М.Г.Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г.Худякова. – Казань, 2004. – С.339–347.
- ³¹ Там же. – С.343.
- ³² Там же. – С.345–346.
- ³³ Об этом достаточно содержательно написано в вышеуказанных монографиях и кандидатской диссертации Ф.А.Байрамовой. См., например: *Байрамова Ф.А.* Роль М.Г.Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. РКД... – С.143–156 и др.
- ³⁴ О нем и его исторических произведениях, современную публикацию его произведений на татарском и русском языках см., например: *Алишев С.Х.* Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978. – С.46–53; *Его же.* По следам минувшего... – С.112–121; *Гобәйдуллин Газиз.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан, 1989 (составители, авторы примечаний С.Х.Алишев и И.А.Гилязов, автор статьи о Г.Губайдуллине С.Х.Алишев); *Газиз Г.* История татар. – М., 1994 (сокр. пер. с тат. яз. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных под редакцией и с предисловием Э.С.Кульпина-Губайдуллина и Ш.Ф.Мухамедьярова, автор по-

слесловия В.И.Пантин); *Насретдинова Д.* Историк Г.С.Губайдуллин: Жизнь и творчество. РКД. – Казань, 1997; Газиз Гобайдуллин. Газиз Губайдуллин: Фэнни-биографик жыентык. – Казань, 2002 (здесь на с. 135–177 опубликована работа Г.С.Губайдуллина «Из прошлого татар», 1925 г.и., к сожалению, с досадными пропусками текста – в частности, на с.143 о войнах Москвы против Казани); *Алишев С.Х.* Татар тарихчылары... – 199–201 б.

³⁵ См., например, его исторические произведения и учебники на татарском языке «История татар» (дополненное и доработанное издание, Казань, 1923), «Из истории борьбы за Поволжье» (журнал «Мэгариф», 1923, №5/6, с.19–37), «Древние болгары» (Казань, 1924), «Происхождение татар и Золотая Орда» (Казань, 1924); на русском языке – «Из прошлого татар» (в сборнике «Материалы по изучению Татарстана», Казань, 1925, вып.2, с.71–111), «История татар» (М., 1925), «К вопросу о происхождении татар» (в «Вестнике Научного общ-ва татароведения», Казань, 1928. №8, с.131–141), «История народов СССР в эпоху феодализма» (Баку, 1932).

³⁶ *Газиз Г.* История татар... – М., 1994. – С.20.

³⁷ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925. – Вып. 2. – С.74.

³⁸ Там же.

³⁹ *Газиз Г.* История татар... – С.80.

⁴⁰ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.75.

⁴¹ *Газиз Г.* История татар... – С.87.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С.76.

⁴⁴ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.78.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Газиз Г.* История татар... – С.89.

⁴⁸ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.78.

⁴⁹ *Газиз Г.* История татар... – С.103.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. – С.104.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См., например: Отражение истории Казанского ханства в работе Г.Баттала «Казанские тюрки» // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.265–276.

⁵⁵ См., например: А.Н.Kurat. Ulug-Muhammed han // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.286–298.

⁵⁶ См., например: Z.V.Togan. Kazan hanliginda islam türk kulturu // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.299–324.

⁵⁷ См., например, книгу Г.Баттала «Kazan türkleri» («Казан төркиләре», «Казанские тюрки»), изданную в Стамбуле в 1925 г., в Анкаре в 1966 г. и в переводе на татарский язык (перевод А.Рахимовой, комментарии Л.Хамидуллина) в Казани в 1996 г. В последнем издании из 160 страниц текста «Казан торкиләре» лишь одиннадцать посвящены конкретно истории Казанского государства.

⁵⁸ См., например: *Kurat A.N.* Kazan Hanligini kuran Ulug-Muhammed Hanin yarligi. Edirne ve yoresi eski eserleri sevenler kurumu yayinlarindan. – Istanbul, 1937; *Аныкы ук.* Topkapı Sarayı Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. – Istanbul, 1940; *Аныкы ук.* IV–XVIII yuzyillarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri... Перечень трудов Заки Валиди см.: *Әмирхан Р.* Зәки Вәлиди хезмәтләренәң кыскача библиографиясе // *Вәлиди Э.-З.* Кыскача төрек-татар тарихы. – Казан, 1992. – 162–178 б.; *Байкара Тунджер.* Заки Валиди Тоған / Сост., пер. на рус. яз., дополнения, указатель Р.М.Булгакова и А.М.Юлдашбаева. – Уфа, 1998. – С.79–128 («Библиография произведений»). Отметим следующие статьи Заки Валиди: «Kazan Hanliginin son gunleri» (Стамбул, 1912), «Kazan Hanliginda Islam Türk kulturu (Kanuni zamanında 1550'de Kazan'dan gönderilen bir rapor)» (Стамбул, 1966), и монографии: «Umumi Türk tarihine giris» (Стамбул, 1946, т.1; 1970, т.1; 1981, т.1), «Türklugun mukadderati uzerine» (Стамбул, 1970; 1977).

⁵⁹ Подробнее об этом постановлении см.: *Измайлов И.Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // *Гасырлар авазы / Эхо веков.* – Казань, 1996. – № 3/4. – С.96–101; *Леушин М.* История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Там же. – С.84–95; *Измайлов И.Л.* «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // *Родина.* – 1997. – № 3/4. – С. 116–118.

⁶⁰ *Измайлов И.Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...»...

⁶¹ Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С.14.

⁶² Там же. – С.26.

⁶³ Там же. – С.16.

⁶⁴ Там же. – С.61.

⁶⁵ Там же. – С.107.

⁶⁶ Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып.1. – С.5–6.

⁶⁷ *Гимади Х.Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып.1. – С.185.

⁶⁸ Там же. – С.209.

⁶⁹ Там же. – С.185.

⁷⁰ *Гимади Х.Г.* Из истории народов Булгарии под игом Золотой Орды (в связи с этногенезом казанских татар). АКД. – М., 1949. – С.17.

⁷¹ История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1951. – Т.1. – С.158.

⁷² Там же.

⁷³ История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Редкол.: Н.И.Воробьев, М.Х.Гайнуллин, Х.Г.Гимади и др. – Казань, 1955. – С.158.

⁷⁴ Там же. – С.129.

⁷⁵ Там же. – С.157.

⁷⁶ Там же. – С.159.

⁷⁷ *Калинин Н.Ф.* Казань: Исторический очерк. – Казань, 1952. – С.27.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Воробьев Н.И.* Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953. – С.10.

⁸⁰ Очерки истории СССР (период феодализма IX–XV вв.): В 2-х ч. – М., 1953. – Ч.II. – С.427.

⁸¹ Там же. – С.433.

⁸² Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. – М., 1953. – Т.19. – С.310–311.

⁸³ Подробнее см.: *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.67–88.

⁸⁴ См., например, написанные им разделы о народах Поволжья и Приуралья в «Очерках истории СССР» (М., 1953, ч.1, с.717–734; М., 1955, ч.2, с.423–442, 660–682), книгу «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (Казань, 1958), статьи: 1) К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1959. – С.89–122, 2) К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки КГУ. – Казань, 1962. – Т.122. – Кн.2. – С.143–161, 3) Тарханский ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. – М., 1967. – С.104–109, 4) Казанское ханство // История Татарской АССР с древнейших времен до наших дней. – Казань, 1968. – С.68–100 (то же на тат. яз. – Казань, 1970. – 69–100 б.), 5) Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1973. – Vol.17. – №2–4. – p.200–211, 6) Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // *Altaica. Proceedings of the 19th annual meeting of the FIAC.* Held in Helsinki, 7–11 June 1976. – Helsinki, 1977. – p.181–188, 7) Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья // *Congressus quartus internationalis fenno-ugristanum.* – Budapest, 1983. – p.16–23 и т.д. Этногенез и этническая история татар рассмотрены Ш.Ф.Мухамедьяровым во многих его статьях (часто – в соавторстве с Р.Г.Кузеевым), но в определенной степени «базовой» является его статья «Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности» (VIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. – Tokio, 1968. – В.2. – p.53–56), где проанализированы 3 основные теории происхождения татар (с.53), периодом формирования татарской народности назван конец XIV – сере-

дина XVI вв. (там же), исследовано функционирование этнонима «татары» (с.54) и т.д. Здесь ученый пишет: «Казанские татары не являются прямыми потомками ни татаро-монгольских завоевателей, ни волжских болгар и сформировались как народность в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате этнического смешения местных и пришлых племен, когда в период Казанского ханства складываются необходимые условия для завершения этнической консолидации, значительно усиливаются территориальные связи, развиваются языковая общность, элементы экономической связи и укрепляется национальное самосознание новой этнической общности. Образование Казанского ханства во второй четверти XV в. политически оформляет этническую территорию татарской народности, а само это феодальное государство предстает перед нами как национальное государство казанских татар» (с.54). Целостный взгляд Ш.Ф.Мухамедьярова на этногенез казанских татар и историю Казанского ханства обозначен в одной из самых последних его работ: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2-х т. – М., 2002. –Т.2. –С.144–151. О завоевании Казани Иваном IV в концептуальной интерпретации Ш.Ф.Мухамедьярова см.: *Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Материалы научной конференции 2002 г. – Казань, 2003. –С.263–290.

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные тенденции изучения истории Казанского ханства отечественными учеными в 1920–1950-х гг. Утверждение марксистской методологии в исследованиях историков и изменение концептуальных основ исторической науки России привели в 1920-е гг. к появлению новых оригинальных трудов. Особой вехой в изучении татарского государства стал выход в 1923 г. фундаментальной работы М.Г.Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», которая представляла собой первое действительно подробное и концептуально цельное изложение истории Среднего Поволжья XV–XVI вв. В статье также рассматривается татарская историография 1920-х гг., а также указывается, что начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее активных татарских ученых – Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Али Рахима, Саида Вахиди и многих других. Объективные исторические исследования у татар практически прекратились до периода «оттепели», до появления трудов Ш.Ф.Мухамедьярова. В статье указан ценнейший вклад Шамиля Фатыховича в историографию средневековой этнополитической и социально-экономической истории татар Поволжья.

Ключевые слова: отечественная историческая наука советского периода, Казанское ханство, татарский народ, Среднее Поволжье.

Summary

This article deals with the main trends of studying the history of the Kazan Khanate by local scientists in the 1920-1950s. The establishment of Marxist methodology in the studies of historians and changes in the conceptual foundations of the historical science of Russia has brought to the emergence of new original works in the 1920s. Special milestone in the study of the Tatar State was the release in 1923 of the fundamental M.G.Hudyakov «Sketches on the history of the Kazan Khanate», which was the first detailed and conceptually complete presentation of the history of the Middle Volga in the XV–XVI centuries. The article also deals with the Tatar historiography of the 1920s and shows that repressions which began in the mid 1930s brought to the eliminating of the most active Tatar scholars – Hadi Atlas, Gaziz Gubaidulin, Ali Rahim, Said Vahidi and many others. The objective historical study of the Tatars stopped until the period of the «thaw», before the appearance of works by Sh.F.Muhamedyarov. This paper presents a valuable contribution of Shamil Fatykhovich to the historiography medieval ethno-political and socio-economic history of the Volga Tatars.

Keywords: domestic history of the Soviet period, the Kazan Khanate, the Tatar people, the Middle Volga.